

СВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И СОСТОЯНИЯ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ТУВИНЦЕВ

ШЛЯПНИКОВ В.Н.

*Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «МИП»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com*

В статье приводятся результаты исследования связи условий жизни и этнической идентичности и состояния волевой регуляции у тувинцев, проживающих в различных регионах РФ. В исследовании приняли участие 431 человек в возрасте от 18 до 45 лет из Эрзина (185 чел.), Кызыла (141 чел.) и Москвы (105 чел.). Для диагностики состояния волевой регуляции респондентов использовались: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля; «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении»; методика самооценки волевых качеств личности; тест смысложизненных ориентаций. Для диагностики особенностей этнической идентичности использовалась методика «Типы этнической идентичности» (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова). Результаты одномерного дисперсионного анализа позволяют заключить, что различия показателей состояния волевой регуляции у тувинцев, проживающих в сельских и городских поселениях, в случае контроля за действием и социального самоконтроля обусловлены преимущественно особенностями этнической идентичности респондентов, а в случае эмоционального и поведенческого самоконтроля — особенностями этнической идентичности респондентов и условиями жизни в регионе.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, волевые качества, кросс-культурный подход, образ жизни, тувинцы.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00597, <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>.

Для цитаты: Шляпников В.Н. Связь особенностей этнической идентичности и условий жизни и состояния волевой регуляции у тувинцев // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 4. С. 99—111. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150406>

THE CORRELATION OF PECULIARITIES OF ETHNIC IDENTITY AND LIVING CONDITIONS ON THE STATE OF VOLITIONAL REGULATION AMONG TUVANS

VLADIMIR N. SHLYAPNIKOV

*Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com*

The article presents the results of a study of the correlation of living conditions and ethnic identity on the state of volitional regulation among Tuvans living in various regions of the Russian Federation. The study involved 431

people aged 18 to 45 from Erzin (185 people), Kyzyl (141 people) and Moscow (105 people). To evaluate the individual characteristics of volitional regulation in the respondents, the following techniques were used: the Action Control Scale by J. Kuhl; the “Questionnaire for revealing the expression of self-control in the emotional sphere, activity and behavior”; the technique for self-assessment of volitional qualities; the Purpose in Life Test. The features of ethnic identity were evaluated using the “Types of Ethnic Identity” technique (by S.V. Ryzhova, G.U. Soldatova). The results of a one-way ANOVA allow us to conclude that the differences in the state of volitional regulation among Tuvans living in rural and urban settlements in the case of the “Action control scale” and social self-control are due mainly to the characteristics of the ethnic identity of the respondents, and in the case of emotional and behavioral self-control — peculiarities of ethnic identity of the respondents and living conditions in the region.

Keywords: volition, volitional regulation, will, willpower, self-control, self-regulation, volitional traits, cross-cultural approach, lifestyle, Tuvans.

Funding. This work was supported by Russian Science Foundation (project No 21-18-00597. See details: <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>).

For citation: Shlyapnikov V.N. The Correlation of Peculiarities of Ethnic Identity and Living Conditions on the State of Volitional Regulation among Tuvans. *Ekspierimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2022. Vol. 15, no. 4, pp. 99–111. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150406> (In Russ.).

Введение

Воля — это фундаментальное понятие для психологии, связанное с проблемами выбора, инициации и контроля за реализацией намерения в действии. Согласно сложившимся представлениям, необходимость в волевой регуляции возникает в ситуации конфликта между различными уровнями детерминации поведения и деятельности человека: SS- и LL-стимулами (самоконтроль), имплицитным и эксплицитным Я (Ю. Куль), личностно-смысловыми и социально-нормативными мотивами (В.А. Иванников), различными системами деятельности (А.Н. Леонтьев). Функция воли состоит в управлении побуждением к действию: торможении нежелательных импульсов (volitional inhibition) и усилении целевого намерения (volitional facilitation) (Р. Баумайстер, В.А. Иванников, Ю. Куль, Х. Хекхаузен и др.). За последние десятилетия описаны и изучены различные психологические механизмы волевой регуляции (стратегии волевой регуляции — Ю. Куль): аффективные, когнитивные, поведенческие, смысловые [6; 18; 21; 22; 23; 24; 25; 26].

Вместе с этим в современной психологии до сих пор преобладает статический подход к изучению воли, который ограничивается изучением индивидуальных особенностей волевой регуляции (например, волевых качеств) и связанных с ними психофизиологических процессов. Однако и отечественные, и зарубежные исследователи указывают на необходимость изучения воли в контексте трансформации реальных жизненных отношений человека с окружающим миром (В.А. Иванников, Ю. Куль, А.Н. Леонтьев, Х. Хекхаузен и др.) [6; 11; 18; 26].

В отечественной психологии сложилось представление о воле как о высшей психической функции, которая имеет социальное происхождение и опосредствована культурными орудиями и мотивами [2]. В связи с этим возникает необходимость изучения волевой регуляции в контексте трансформации общественных отношений. Решить эту задачу могут кросс-культурные сравнения (А.Р. Лурия, М. Коул) [9; 12].

Результаты исследований говорят о наличии значимых различий в показателях состояния волевой регуляции у представителей различных этнических групп РФ. У тувинцев, татар, башкир наблюдаются высокие показатели волевого самоконтроля и самооценки, а также

преобладает эффективный тип волевой саморегуляции без усилия (по Ю. Кулю, ориентация на действие), а у русских, коми, марийцев, напротив, низкие показатели самоконтроля и самооценки, а также неэффективный тип волевой саморегуляции с усилием (по Ю. Кулю, ориентация на состояние) [1; 3]. В целом, прослеживается закономерность: чем больше различий между народами (географических, социальных, языковых, религиозных, культурных и пр.), тем больше различий между показателями волевой регуляции у их представителей.

Отчасти обнаруженные различия объясняются разницей в условиях жизни в регионах проживания этнической группы. Чем сложнее условия жизни (климатические, социальные, демографические, экономические), тем выше показатели волевого самоконтроля [3]. Вместе с этим сравнение народов, проживающих на одной территории (например, русских и тувинцев в Москве и Кызыле), показывает наличие различий между представителями разных этнических групп [20]. Таким образом, кросс-культурные различия воли нельзя объяснить исключительно условиями жизни.

Исследования показывают, что волевая регуляция может быть связана с особенностями традиционного образа жизни народа. У респондентов, оценивающих свой образ жизни как близкий к традиционному, наблюдается ориентация на действие и более высокие показатели волевого самоконтроля и самооценки, а у респондентов, оценивающих свой образ жизни как современный, — ориентация на состояние и более низкие показатели воли [3]. У тувинцев, проживающих в сельских районах и занимающихся традиционными видами сельского хозяйства, показатели воли выше, чем у тувинцев из Кызыла и Москвы [20]. Также показано, что в группах с более маскулинной культурой (кабардинцы, башкиры, татары) наблюдаются значимые гендерные различия в показателях воли, а в группах с более фемининной культурой (русские, коми, марийцы) они отсутствуют [19].

В пользу того, что кросс-культурные различия воли могут быть обусловлены не только условиями жизни, но и этнической принадлежностью, также свидетельствует о наличии значимых связей между показателями волевой регуляции и этнической идентичности. Чем более выражена этническая идентичность, тем выше показатели воли [17]. Однако это предположение нуждается в дополнительной проверке.

В связи с этим цель данной работы — исследовать связь условий жизни и этнической идентичности и показателей состояния волевой регуляции.

Для этого было проведено исследование связи этнической идентичности и показателей волевой регуляции у тувинцев, проживающих в городах (Кызыл и Москва), а также в сельском районе Тувы (Эрзин).

Была выдвинута гипотеза: у респондентов с позитивной этнической идентичностью будут наблюдаться более высокие показатели волевого самоконтроля и самооценки, а также ориентация на действие и, напротив, у респондентов с негативной этнической идентичностью, — низкие показатели самоконтроля и самооценки и ориентация на состояние.

Методы

Описание выборки

С целью проверки выдвинутой гипотезы было проведено сравнение представителей трех групп тувинского этноса:

Тувинцы, жители с. Эрзин — административного центра Эрзинского района Республики Тыва (численность населения — 3 тыс. человек). Представители данной группы — сельские жители, их основное занятие — сельское хозяйство, оседлое животновод-

ство, что является традиционным видом деятельности для тувинского народа. Во многом благодаря этому представителям данной группы удалось сохранить многие черты традиционного образа жизни народа. Выборка состояла из 109 женщин и 76 мужчин в возрасте от 18 до 45 лет (средний возраст — 39,3 лет).

Тувинцы, жители г. Кызыла — столицы Республики Тыва (численность населения — 120 тыс. человек). Основное занятие респондентов данной группы — сфера услуг (образование, здравоохранение, социальная сфера, торговля). Благодаря урбанизации и индустриализации образ жизни жителей Кызыла претерпел существенные изменения. Тем не менее, благодаря политике правительства Республики Тыва элементы традиционного образа жизни после 90-х гг. постепенно возвращаются в жизнь жителей Кызыла. Выборка состояла из 90 женщин и 51 мужчины в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст — 28,65 лет).

Тувинцы, жители г. Москвы — столицы РФ (численность населения — 12 млн человек). Основное занятие респондентов данной группы — сфера услуг (образование, здравоохранение). В условиях современного мегаполиса образ жизни представителей данной группы неизбежно претерпел существенные изменения. Тем не менее, благодаря общинному центру тувинцам, проживающим в Москве, удастся поддерживать связь с традиционной культурой своего народа. Выборка состояла из 51 женщины и 54 мужчин в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст — 27,4 лет).

Всего в исследовании приняли участие 431 человек. Респонденты из Эрзина и Кызыла проживают в регионе с рождения, респонденты из Москвы переехали сюда не менее 5 лет назад.

Методы исследования

Состояние волевой регуляции респондентов оценивалось с помощью методик: «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильева, С.В. Фирсова) [7]; субшкала «Контроль за действием при планировании» Ю. Куля в адаптации С.А. Шапкина [16]; модификация методики самооценки Дембо-Рубинштейн, предложенная В.А. Иванниковым и Е.В. Эйдманом (анализировался только общий балл волевой самооценки, который складывался из самооценок 20 волевых качеств) [4].

Особенности этнической идентичности респондентов оценивались с помощью методики «Виды этнической идентичности» (С.В. Рыжова, Г.У. Солдатова) [15].

Процедура

Исследование проводилось в 2021–2022 гг. Респонденты заполняли опросники в индивидуальном порядке в присутствии исследователя. Участие в исследовании носило добровольный характер, за участие в нем респонденты получали денежное вознаграждение. С целью статистической обработки полученных данных использовалась программа IBM SPSS Statistics v. 23.01.

Результаты

Сравнение регионов

Для оценки значимости различий между регионами использовался однофакторный дисперсионный анализ¹, результаты которого приведены в табл. 1.

¹ Тесты Колмогорова—Смирнова и Левиня показали наличие нормального распределения и равенства дисперсий показателей, что позволило нам использовать методы параметрической статистики.

Таблица 1

Сравнения среднегрупповых показателей у тувинцев, проживающих в Эрзине, Кызыле и Москве (однофакторный дисперсионный анализ)

Показатели	Эрзин		Кызыл		Москва		F
	M	SD	M	SD	M	SD	
Шкала контроля за действием	7,15	2,57	5,98	2,82	5,60	2,60	13,923**
Эмоциональный самоконтроль	13,68	2,82	13,65	3,00	12,36	2,68	7,373**
Поведенческий самоконтроль	19,18	3,27	17,90	4,04	16,76	4,26	12,167**
Социальный самоконтроль	18,36	3,48	17,84	3,25	17,27	3,56	2,898*
Волевая самооценка	83,99	14,71	77,52	11,75	76,42	12,87	11,702**
Этнонегативизм	6,78	5,13	6,21	4,25	6,73	4,62	0,561
Этноиндифферентность	11,08	4,04	10,26	3,42	10,56	4,37	1,699
Позитивная этничность	15,68	3,65	15,73	3,58	14,78	4,24	2,091
Этноэгоизм	7,76	5,18	6,27	4,88	6,92	5,06	3,202*
Этноизоляционизм	8,58	4,97	6,59	4,74	6,61	5,23	7,553**
Этнофанатизм	12,14	4,48	9,53	5,06	9,12	5,33	15,538**

Примечание: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$.

Как видно из табл. 1, тувинцы, проживающие в разных регионах, значимо различаются между собой по всем показателям волевой регуляции. Наибольшие значения наблюдаются у тувинцев из Эрзина, а наименьшие – у тувинцев из Москвы. У тувинцев из Кызыла показатели средние.

Также сравниваемые группы различаются по показателям этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма. В наибольшей мере они выражены в группе тувинцев из Эрзина, а у жителей Москвы и Кызыла они находятся примерно на одном уровне.

Результаты факторного анализа

Чтобы разделить респондентов на группы в соответствии с типом этнической идентичности использовался иерархический кластерный анализ с предварительным факторным анализом.

В результате факторного анализа (метод главных компонент с последующим Варимакс-вращением) была получена трехфакторная структура, объясняющая 87% дисперсии (КМО=0,812; тест сферичности Батлетта=865,46; $p < 0,001$). Факторные нагрузки приведены в табл. 2.

Таблица 2

Факторные нагрузки²

Переменная	Фактор № 1	Фактор № 2	Фактор № 3
Этнофанатизм	0,897		
Этноизоляционизм	0,888		
Этноэгоизм	0,865		
Этнонегативизм	0,727	0,504	
Этноиндифферентность		0,889	
Позитивная этничность			0,962

² Значения факторных нагрузок менее 0,4 не указаны.

Фактор № 1 (57,68% дисперсии) образован переменными «Этнофанатизм» (0,897), «Этноизоляционизм» (0,888), «Этноэгоизм» (0,865), «Этнонегативизм» (0,727), что позволяет интерпретировать его как «гиперэтничность».

Фактор № 2 (20,14% дисперсии) образован переменными «Этноиндифферентность» и «Этнонегативизм» (0,504), что позволяет интерпретировать его как «этноиндифферентность».

Фактор № 3 (9,6% дисперсии) образован единственной переменной «Позитивная этничность» (0,962).

Результаты кластерного анализа

Далее с помощью метода линейной регрессии были рассчитаны факторные оценки, на основании которых выборка была разделена 4 группы (иерархический кластерный анализ по методу вычисления расстояний между группами). В табл. 3 представлены описательные статистики сформированных групп, а также результаты однофакторного дисперсионного анализа.

Таблица 3

Сравнения среднегрупповых показателей в полученных кластерах
(однофакторный дисперсионный анализ)

Показатели	Кластер № 1		Кластер № 2		Кластер № 3		Кластер № 4		F
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	
Шкала контроля за действием	5,57	2,97	7,57	2,57	6,00	1,95	6,24	2,74	8,934**
Эмоциональный самоконтроль	13,98	2,64	14,42	2,95	12,17	2,04	12,78	3,06	8,083**
Поведенческий самоконтроль	18,22	3,88	19,74	3,81	17,16	3,74	17,23	4,29	6,212**
Социальный самоконтроль	18,00	3,47	19,49	3,19	16,87	3,55	16,56	3,29	9,709**
Средний балл волевой самооценки	75,52	13,57	80,43	13,77	81,36	14,23	76,58	15,77	2,295**
Этнонегативизм	4,99	3,25	3,96	2,76	12,94	3,20	5,86	3,85	92,763**
Этноиндифферентность	12,82	2,25	8,93	2,28	14,28	2,44	6,94	3,66	94,269**
Позитивная этничность	16,75	2,76	17,22	2,21	16,12	2,69	9,61	3,34	97,272**
Этноэгоизм	3,43	2,84	4,80	2,98	14,05	3,40	6,35	4,18	116,263**
Этноизоляционизм	3,53	2,85	5,68	3,53	14,00	3,23	5,63	3,95	101,245**
Этнофанатизм	5,66	3,76	10,36	4,12	15,74	2,65	7,90	4,75	67,896**
Фактор № 1 «Гиперэтничность»	-0,95	0,59	-0,03	0,64	1,39	0,51	-0,05	0,76	132,553**
Фактор № 2 «Этноиндифферентность»	0,84	0,62	-0,72	0,55	0,79	0,71	-0,60	0,84	110,558**
Фактор № 3 «Позитивная этничность»	0,21	0,71	0,62	0,56	-0,02	0,68	-1,46	0,81	104,986**

Примечание: «**» – $p < 0,01$.

Как видно из табл. 3, выделенные кластеры значительно различаются по всем измеренным показателям.

Кластер № 1 включает в себя 68 человек. Представители данной группы значительно превосходят других респондентов по фактору «Этноиндифферентность» и уступают по фактору «Гиперэтничность». По методике «Виды этнической идентичности» наблюдаются

два выраженных пика по шкалам «Позитивная этничность» и «Этноиндифферентность», что может указывать на конфликт между тенденциями к принятию и отрицанию собственной этнической группы. В связи с этим можно предполагать, что данная группа преимущественно образована респондентами с конфликтной *негативной этнической идентичностью*.

Кластер № 2 включает в себя 94 человека. Представители данной группы значительно превосходят других респондентов по фактору «Позитивная идентичность» и уступают по фактору «Этноиндифферентность». В целом, данная группа характеризуется высокой согласованностью показателей методики «Виды этнической идентичности»: наибольшие значения наблюдаются по шкале «Позитивная идентичность», а по остальным шкалам показатели относительно низкие. В связи с этим можно предположить, что данная группа образована преимущественно респондентами с достаточно гармоничной *позитивной этнической идентичностью*.

Кластер № 3 включает в себя 50 человек. Представители данной группы значительно превосходят других респондентов по фактору «Гиперэтничность». Наряду с этим в данной группе наблюдаются высокие показатели по всем шкалам методики «Виды этнической идентичности», что может указывать на конфликт между противоположными тенденциями национального самосознания респондентов. В связи с этим можно предположить, что данная группа преимущественно образована респондентами с конфликтной *гиперболизированной этнической идентичности*.

Кластер № 4 включает в себя 49 человек. Представители данной группы значительно уступают другим респондентам по факторам «Позитивная идентичность» и «Этноиндифферентность». В целом, в данной группе по всем шкалам методики «Виды этнической идентичности» наблюдаются довольно низкие показатели. В связи с этим можно предположить, что данная группа преимущественно образована респондентами с *неопределенной, размытой этнической идентичностью*. По всей видимости, у них национальность не является значимым аспектом идентичности.

Таким образом, среди респондентов преобладает позитивная этническая идентичность (36% респондентов), у четверти респондентов определяется размытая этническая идентичность (26%), у 19% респондентов наблюдается гиперидентичность и у стольких же — негативная этническая идентичность.

Респонденты с различным видом этнической идентичности распределены по регионам неравномерно ($X^2(6)=24,237$; $p<0,001$). В Эрзине преобладают респонденты с позитивной этнической идентичностью (46,9%) и гиперидентичностью (25%), в Кызыле — с позитивной (35,1%) и негативной (34%) этнической идентичностью, в Москве — с негативной (35,2%) и неопределенной (25,4%) этнической идентичностью (табл.4).

Таким образом, можно заключить, что в среднем у жителей сельских регионов этническая идентичность выражена сильнее, чем у жителей городов.

Таблица 4

Распределение выделенных кластеров по населенным пунктам (%)

Место проживания	Кластер № 1	Кластер № 2	Кластер № 3	Кластер № 4
Эрзин	11,50%	46,90%	25,00%	16,70%
Кызыл	34,00%	35,10%	14,90%	16,00%
Москва	35,20%	22,50%	16,90%	25,40%
Всего	26,10%	36,00%	19,20%	18,80%

Результаты дисперсионного анализа

Для того чтобы оценить влияние условий жизни и этнической принадлежности на показатели состояния волевой регуляции был проведен одномерный дисперсионный анализ. Оценивались вклад факторов «Этническая идентичность», «Регион проживания», а также взаимодействие факторов. Результаты анализа приведены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты одномерного дисперсионного анализа (коэффициент Фишера)

Переменная	«Этническая идентичность»	«Регион»	«Этническая идентичность» X «Регион»
Шкала контроля за действием	6,851**	1,667	2,258*
Эмоциональный самоконтроль	6,622**	8,778**	0,404
Поведенческий самоконтроль	4,165**	4,577**	1,11
Социальный самоконтроль	5,136**	0,168	3,273**
Средний балл волевой самооценки	1,468	0,488	1,223

Примечание: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$.

Как видно из табл. 5, для переменных «Эмоциональный самоконтроль» и «Поведенческий самоконтроль» значимым оказалось влияние обоих факторов: этнической идентичности и региона. В группе с позитивной этнической идентичностью в среднем наблюдаются наибольшие значения переменных, а в группе с гиперидентичностью — наименьшие (см. табл. 3). Также по этим показателям жители Эрзина значимо превосходят жителей Москвы и Кызыла (см. табл. 1).

Для переменных «Шкала контроля за действием» и «Социальный самоконтроль» значимым оказалось влияние фактора «Этническая идентичность», а также факторного взаимодействия. Наибольшие значения показателей «Шкалы контроля за действием» наблюдаются в группе с позитивной этнической идентичностью, а наименьшие — в группе с негативной этнической идентичностью (см. табл. 3). В случае с социальным самоконтролем наибольшие значения также наблюдаются в группе с позитивной этнической идентичностью, а наименьшие — в группе с гиперидентичностью.

Для среднего балла волевой самооценки значимого влияния факторов обнаружено не было.

Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что различия в показателях состояния волевой регуляции у тувинцев, проживающих в сельских и городских поселениях, в случае контроля за действием и социального самоконтроля обусловлены преимущественно особенностями этнической идентичности респондентов, а в случае эмоционального и поведенческого самоконтроля — особенностями этнической идентичности респондентов и условиями жизни в регионе.

Обсуждение результатов

В ходе исследования были обнаружены значимые различия в показателях состояния воли у тувинцев, проживающих в разных регионах. Волевая регуляция жителей Эрзина характеризуется преобладанием ориентации на действие и высокими показателями волевой самооценки и самоконтроля. По сравнению с ними, у жителей Москвы и Кызыла чаще встречается ориентация на состояние, а показатели волевой самооценки и самоконтроля

значимо ниже. Вместе с этим у тувинцев показатели волевой регуляции выше, чем у русских, проживающих в этих же регионах [3; 20].

В определенной степени данные различия можно объяснить условиями жизни в регионах. В 2021 г. Москва занимала первое, а Республика Тыва — последнее места в рейтинге российских регионов по качеству жизни, ежегодно составляемому РИА Новости на основании анализа различных показателей качества жизни [14]. Чем тяжелее условия жизни (климатические, экономические, социально-демографические и пр.), тем сложнее задачи, стоящие перед человеком, тем выше потребность в волевой регуляции. Результаты дисперсионного анализа показывают, что, в первую очередь, это относится к эмоциональному и поведенческому самоконтролю. Сходные результаты можно наблюдать у жителей регионов, приравненных к крайнему северу, в Республике Коми и в Хабаровском крае [3].

Вместе с этим между сравниваемыми регионами есть другое, более принципиальное различие: Москвы и Кызыл — города, а Эрзин — село. Исследования показывают, что сельские жители характеризуются более высокими показателями волевой регуляции, чем городские; это в первую очередь связано с более практической направленностью жизни на селе [8]. В более глобальной перспективе образ жизни на селе характеризуется как традиционный, а в городе — как современный или инновационный [13]. Традиционному образу жизни свойственна большая согласованность, а современному — большая конфликтность социальных отношений и требований, предъявляемых человеку со стороны общества, что также может становиться причиной снижения эффективности волевой регуляции и формирования ориентации на состояние [25; 26]. Наряду с этим традиционная культура и образ жизни предлагают субъекту целый набор этнокультурных средств и смыслов, облегчающих задачи волевой регуляции. Например, аймак (совет старейшин у тувинцев, проживающих в Эрзине) берет на себя важные функции регуляции деятельности общины: воспитание подрастающего поколения, разрешение споров и др. [10].

Результаты дисперсионного анализа позволяют предположить, что обнаруженные различия обусловлены не только условиями жизни, но и особенностями этнической идентичности респондентов. В Эрзине преобладает позитивная этническая идентичность и гиперидентичность, а в Кызыле и Москве — негативная или неопределенная идентичность.

Наименьшие показатели волевой регуляции наблюдаются в группах респондентов, этническая идентичность которых характеризуется преобладанием аномальных форм и наличием признаков внутренних противоречий. Как отмечают исследователи, и гиперболизированная, и негативная этническая идентичность могут свидетельствовать о внутреннем конфликте между сознательными (демонстративными, показными) и бессознательными компонентами идентичности [15]. Согласно Ю. Кулю, этот конфликт между эксплицитным (декларируемым) и имплицитным (интуитивным) может становиться причиной снижения эффективности волевой регуляции и формирования ориентации на состояние [21; 24; 26].

В группе, характеризующейся гармоничной позитивной этнической идентичностью, напротив, наблюдаются наибольшие показатели волевой регуляции. Можно предположить, что позитивная этническая идентичность свидетельствует о большем самопринятии в целом у респондентов, которое является важным условием эффективной волевой регуляции [24]. Также позитивная этническая идентичность свидетельствует о большем принятии национальной культуры и традиционного образа жизни своего народа [15].

Наряду с этим снижение волевого самоконтроля может становиться причиной сильных негативных эмоций и деструктивного поведения, характерных для людей с гиперболизированной этнической идентичностью.

Полученные результаты позволяют предположить, что эмоциональный и поведенческий самоконтроль определяются как условиями жизни, так и этнической идентичностью, тогда как социальный самоконтроль и ориентация на действие/состояние — преимущественно этнической идентичностью, что обусловлено различной природой этих свойств волевой регуляции. Ориентация на действие/состояние определяется, в первую очередь, согласованностью внутриличностных систем регуляции деятельности и поведения, т. е. внутриличностными отношениями (отношениями с собой), а самоконтроль — требованиями, предъявляемыми к субъекту со стороны деятельности и других людей, т.е. межличностными (социальными) отношениями (отношения с миром) [24].

Таким образом, полученные нами результаты в целом подтверждают выдвинутую гипотезу. Состояние волевой регуляции определяется как условиями жизни и связанными с ними отношениями с миром, так и этнической идентичностью и связанными с ней самоотношением, межличностными и внутриличностными факторами. Трансформация отношений с миром ведет к изменению требований, предъявляемых к деятельности и поведению субъекта, и, как следствие, волевой мобилизации и росту показателей самоконтроля (поведенческого и социального). Трансформация этнической идентичности ведет к возникновению внутриличностного конфликта и, как следствие, формированию ориентации на состояние. Вместе с этим изменения отношений с миром неизбежно приводят к изменению самоотношения. Внутриличностный конфликт отражает конфликт внешний — межличностный или межгрупповой, возникающий как результат этнонигилизма — отказа от традиционной культуры и образа жизни народа.

Заключение

В целом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Среди жителей Эрзина преобладает позитивная этническая идентичность и гиперидентичность, среди жителей Кызыла — позитивная и неопределенная идентичность, а среди жителей Москвы — неопределенная и негативная идентичность. Также у жителей Эрзина наблюдаются высокие показатели волевого самоконтроля и самооценки и ориентация на действие, а у жителей Кызыла и Москвы — средние показатели самоконтроля и самооценки и ориентация на состояние.

Различия в показателях эмоционального и поведенческого самоконтроля обусловлены как условиями жизни в регионе, так и особенностями этнической идентичности. Наибольшие показатели наблюдаются у респондентов с позитивной этнической идентичностью, а наименьшие — у респондентов с гиперидентичностью.

Различия в показателях «Шкалы контроля за действием» и социального самоконтроля обусловлены преимущественно особенностями этнической идентичности. Наибольшие показатели наблюдаются у респондентов с позитивной этнической идентичностью, а наименьшие — у респондентов с гиперидентичностью в случае с социальным самоконтролем и негативной идентичностью в случае контроля за действием.

Таким образом, полученные результаты в целом подтверждают выдвинутую гипотезу и позволяют сделать ряд важных предположений.

Во-первых, различия в показателях волевой регуляции между различными группами могут быть обусловлены не только различиями в условиях жизни в регионе, но и особенностями этнической идентичности и связанными с ней особенностями национальной культуры и образа жизни народа.

Во-вторых, можно предположить, что аномальные формы этнической идентичности (как гипер-, так и гипоформы) отражают конфликт между сознательными и бессознательными компонентами идентичности, который является причиной формирования ориентации на состояние и снижения волевого самоконтроля.

В-третьих, дефицит волевого самоконтроля сам по себе может выступать причиной поведения, свойственного людям с гиперидентичностью.

Проверка этих предположений составляет предмет дальнейших исследований, в том числена представителях других народов РФ.

Также полученные результаты позволяют предположить, что традиционный образ жизни народа и позитивная этническая идентичность играют важную роль в волевой регуляции жизнедеятельности человека, а работа с ними может стать эффективным способом формирования воли, например, в рамках культурно специфического консультирования.

Литература

1. *Анапьева К.И., Басюл И.А., Выскочил Н.А., Демидов А.А., Шляпников В.Н.* Человек и этнос: восприятие, оценка, саморегуляция. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2020. 377 с.
2. *Иванников В.А., Шляпников В.Н.* Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. 2012. Том33. № 3. С. 111–121.
3. *Иванников В.А., Шляпников В.Н.* Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Том12. № 1. С. 70–84. DOI:10.17759/exppsy.2019120106
4. *Иванников В.А., Эйдман Е.В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Том11. № 3. С. 39–49.
5. *Иванников В.А., Гусев А.Н., Барбанов Д.Д.* Связь осмысленности жизни и способа контроля за действием с самооценками студентами волевых качеств // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 2. С. 27–44.
6. *Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н. Эйдман Е.В.* Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
7. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 288 с.
8. *Комогоркин В.А.* Индивидуальные особенности волевой активности школьников-подростков // Вопросы психологии воли. Рязань, 1975. С. 52–64.
9. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-центр, 1997. 424 с.
10. *Ламажаа Ч.К.* Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. DOI:10.25178/nit.2021.3.14
11. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
12. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.
13. *Обухов А. С.* Трансформация жизни теленгитов селения Язула // Традиционная культура. 2021. Том22. №1. С. 157–166. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.013>
14. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021 [Электронный ресурс]. МИА «Россия сегодня». 2021. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения: 27.10.2022).
15. *Солдатова Г.У.* Психология напряженности. М.: Смысл, 1998. 398 с.
16. *Шапкин С.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997. 140 с.
17. *Шляпников В.Н.* Взаимосвязь показателей состояния волевой регуляции и этнической идентичности // Культурно-историческая психология. 2019. Том15. № 3. С. 83–90. DOI:10.17759/chrp.2019150309
18. *Шляпников В.Н.* Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии // Экспериментальная психология. 2022. Том15. № 1. С. 72–87. DOI:10.17759/exppsy.2022150105
19. *Шляпников В.Н.* Половые различия в состоянии волевой регуляции у представителей маскулильных и фемининных национальных культур РФ и СНГ // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 2. С. 139–152. DOI:10.17759/exppsy.2020130210

20. Шляпников В.Н. Факторы волевой регуляции у русских и тувинцев, проживающих в Москве и Кызыле // Вопросы психологии. 2020. Том 66. №2. С. 42–56.
21. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
22. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update // Advances in Experimental Social Psychology. 2016. Vol. 54. P. 67–127.
23. Chatterjee M.B., Baumann N., Osborne D., Mahmud S.H., Koole S.L. Cross-Cultural Analysis of Volition: Action Orientation Is Associated With Less Anxious Motive Enactment and Greater Well-Being in Germany, New Zealand, and Bangladesh // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 1043. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01043
24. Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N. Becoming Who You Are: An Integrative Review of Self-Determination Theory and Personality Systems Interactions Theory // Journal of Personality. 2018. Vol. 87. P. 15–36. DOI:10.1111/jopy.12380
25. Kuhl J., Keller H. Affect-Regulation, Self-development, and Parenting: A Functional-Design Approach to Cross-Cultural Differences / Handbook of Motivation and Cognition Across Cultures. Academic Press. 2008. Vol. 1. P. 19–47. DOI:10.1016/B978-0-12-373694-9.X0001-3
26. Quirin M., Robinson M., Rauthmann J., Kuhl J., Read S., Tops M., Deyoung C. The Dynamics of Personality Approach (DPA): Twenty Tenets for Uncovering the Causal Mechanisms of Personality // European Journal of Personality. 2020. Vol. 34(6). P. 947–968. DOI:10.1002/per.2295

References

1. Ananyeva K.I., Basul I.A., Vyškochil N.A., Demidov A.A., Shlyapnikov V.N. Chelovek i étnos: vospriyatie, otsenka, samoregulyatsiya [Man and ethnicity: perception, evaluation, self-regulation]. M.: Moscow Institute of Psychoanalysis—Kogito-Tsentr, 2020. 377 p. (In Russ.).
2. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Volya kak product obshchestvenno-istoricheskogo razvitiya chelovechestva [Volition as a result of social-historical development of humanity]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 2012. Vol. 33, no. 3, pp. 111–121. (In Russ.).
3. Ivannikov V.A., Shlyapnikov V.N. Osobennosti volevoj reguljacji u predstavitelej raznyh jetnokul'turnyh grupp [Features of volitional regulation among representatives of different ethnocultural groups]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2019. Vol. 12, no. 1, pp. 70–84. DOI:10.17759/expsy.2019120106 (In Russ.).
4. Ivannikov V.A., Eidman E.V. Struktura volevykh kachestv po dannym samoosenki [Structure of volitional qualities according to self-assessment data]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 1990. Vol. 11, no. 3, pp. 39–49. (In Russ.).
5. Ivannikov V.A., Gusev A.N., Barbanov D.D. Svyaz' osmyslennosti zhizni i sposoba kontrolya za deistviem s samoosenkami studentami volevykh kachestv [Meaningfulness and action orientation as predictors of self-control and willpower traits]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologija [Moscow University Psychology Bulletin]*, 2019, no. 2, pp. 27–44. (In Russ.).
6. Ivannikov V.A., Barabanov D.D., Monroz A.V., Shlyapnikov V.N. Eidman E.V. Mesto ponyatiya «volya» v sovremennoi psikhologii [The role of the notion of will in contemporary psychology]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psikhologii]*, 2014, no. 2, pp. 15–23. (In Russ.).
7. Il'in E.P. Psikhologiya voli [The Psychology of Volition]. Saint-Peterburg: Publ. Piter, 2000. 288 p. (In Russ.).
8. Komogorkin V.A. Individual'nye osobennosti volevoi aktivnosti shkol'nikov-podrostkov [Individual features of volitional activity of schoolchildren-adolescents] *Voprosy psikhologii voli [Questions of psychology of volition]*, Ryazan' Publ. 1975. P. 52–64. (In Russ.).
9. Koul M. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushchego [Cultural-Historical Psychology. The science of the Future]. Moscow: In-t psikhologii RAN, 1997. 424 p. (In Russ.).
10. Lamazhaa Ch.K. Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 3, pp. 178–194. DOI:10.25178/nit.2021.3.14 (In Russ.).
11. Leont'ev A.N. Lektsii po obshchei psikhologii [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 511 p. (In Russ.).
12. Luriya A.R. Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov [On the historical development of cognitive processes]. Moscow: Nauka, 1974. 172 p. (In Russ.).

13. Obukhov A.S. The Transformation of the Life of the Yazula Village Telengits. Traditional Culture. 2021. Vol. 22, no. 1, pp. 157–166. DOI:10.26158/TK.2021.22.1.013 (In Russ.).
14. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni – 2021 [Elektronnyi resurs] [Rating of Russian regions on quality of life]. MIA Rossiya segodnya [Russia Today], 2021. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (Accessed 27.10.2022). (In Russ.).
15. Soldatova G.U. Psihologija mezhjetnicheskoy naprjazhennosti [Psychology of Inter-Ethnic Tension]. Moscow: Publ. Smysl, 1998. 398 p. (In Russ.).
16. Shapkin S.A. Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov [Experimental study of volitional processes]. Moscow: Publ. Smysl, 1997. 140 p. (In Russ.).
17. Shlyapnikov V.N. Relationship between Volitional Regulation and Ethnic Identity. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 83–90. DOI:10.17759/chp.2019150309. (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Shlyapnikov V.N. Will: The Lost Link of Contemporary Foreign Psychology. *Eksperimental'naâ psihologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2022. Vol. 15, no. 1, pp. 72–87. DOI:10.17759/expsy.2022150105 (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Shlyapnikov V.N. Gender Differences in the State of Volitional Regulation among Various Ethnic Groups of the Russian Federation and the CIS. *Eksperimental'naâ psihologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 2, pp. 139–152. DOI:10.17759/expsy.2020130210 (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Shlyapnikov V.N. Faktory volevoi regulyatsii u russkikh i tuvintsev, prozhivayushchikh v Moskve i Kyzyle [Factors of volitional regulation in Russians and Tuvans living in Moscow and Kyzyl]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psichologii]*, 2020. Vol. 66, no. 2, pp. 42–56. (In Russ.).
21. Baumann N., Kazén M., Quirin M., Koole S.L. Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition. Hogrefe Publishing, 2018. 433 p.
22. Baumeister R.F., Vohs K.D. Strength Model of Self-Regulation as Limited Resource: Assessment, Controversies, Update // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2016. V. 54. P. 67–127.
23. Chatterjee M.B., Baumann N., Osborne D., Mahmud S.H., Koole S.L. Cross-Cultural Analysis of Volition: Action Orientation Is Associated With Less Anxious Motive Enactment and Greater Well-Being in Germany, New Zealand, and Bangladesh // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. P. 1043. DOI:10.3389/fpsyg.2018.01043
24. Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N. Becoming Who You Are: An Integrative Review of Self-Determination Theory and Personality Systems Interactions Theory // *Journal of Personality*. 2018. V. 87. P. 15–36. DOI:10.1111/jopy.12380
25. Kuhl J., Keller H. Affect-Regulation, Self-development, and Parenting: A Functional-Design Approach to Cross-Cultural Differences / Handbook of Motivation and Cognition Across Cultures. Academic Press, 2008. V. 1. P. 19–47. DOI:10.1016/B978-0-12-373694-9.X0001-3
26. Quirin M., Robinson M., Rauthmann J., Kuhl J., Read S., Tops M., Deyoung C. The Dynamics of Personality Approach (DPA): Twenty Tenets for Uncovering the Causal Mechanisms of Personality // *European Journal of Personality*. 2020. V. 34(6). P. 947–968. DOI:10.1002/per.2295

Информация об авторах

Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО «МИП»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Information about the authors

Vladimir N. Shlyapnikov, Ph.D. in Psychology, Head of the Department of Personality and Individual Differences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4301-4229>, e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Получена 01.11.2022

Received 01.11.2022

Принята в печать 01.12.2022

Accepted 01.12.2022